

Воропаев В. А.

**Н. В. Гоголь
и духовные писатели
его времени¹**

В начале несколько слов о терминологии. Сегодня широкое распространение имеют такие термины, как православный писатель, духовная литература, духовная проза, религиозное литературоведение. Но что стоит за этими понятиями? Можно сказать «православный человек», но сказать «православный писатель» язык не поворачивается. Тогда должен быть и протестантский писатель или мусульманский... Другое дело, что православное мировоззрение писателя не может не отразиться в его творчестве. По мысли Ивана Киреевского, «человек – это его вера»². Все русские писатели в той или иной степени православные. Даже Л. Н. Толстой, который, к сожалению, так и не сумел наладить свои отношения с Церковью, по своему воспитанию и мирозерцанию был христианским писателем, причём православным христианским писателем. Но вот сознательной церковности почти ни у кого из русских писателей-классиков (может быть, за исключением Н. В. Гоголя и отчасти Ф. М. Достоевского) мы не находим. Об этом, в частности, свидетельствует со всей очевидностью фундаментальный труд М. М. Дунаева «Православие и русская литература» [см.: Дунаев, 2001–2004; Дунаев, 2002; Дунаев, 2009].

Или возьмём, к примеру, такой широко распространённый сегодня термин, как «религиозное литературоведение». Ещё совсем недавно в науке о литературе бытовало понятие «марксистское литературоведение». Но подобное литературоведение хотя бы претендовало на теоретическое обоснование своих

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 17-04-00440.

² *Киреевский И. В.* Разум на пути к Истине. Философские статьи, публицистика, письма. Переписка с преподобными Макарием (Ивановым), старцем Оптиной Пустыни. Дневник / Сост. и вступ. статья Н. Лазаревой. М., 2002. С. 284.

методологических (марксистских) принципов изучения литературы. Насколько нам известно, ни один из литературоведов, которых сегодня причисляют к «религиозному литературоведению», не пытался выработать или сформулировать религиозные принципы изучения русской литературы. Наука (а литературоведение – это наука, что бы ни говорили скептики) по определению не может быть религиозной, как не может быть атеистической. Критерии научности применимы к любому литературоведу, верующему или неверующему. Можно изучать древнерусскую литературу, по преимуществу церковную, и быть человеком неверующим. Физик или математик могут быть людьми религиозными, но не может быть физики или математики религиозной. Может быть православный литературовед, но нет православного литературоведения.

По-настоящему «религиозным литературоведением» можно назвать разбор литературных достоинств писаний святых отцов, духовных, церковных произведений (отчасти богослужебных текстов; есть даже такое понятие: церковная поэзия, гимнография). Анализ таких сочинений может быть назван «религиозным литературоведением». Всё остальное, на наш взгляд, не является таковым. Литературоведение как часть филологии, науки синтетической, изучающей духовную культуру (в широком смысле слова) во всех её языковых и письменных, в том числе литературных, проявлениях, предполагает анализ лингвистический, эстетический, социальный, философский, религиозный и т. д. Нельзя постигнуть глубинный смысл русской литературы, не имея точного знания её духовного контекста, не зная произведений духовной литературы, оказавших на неё прямое или косвенное влияние.

При этом само понятие «русская литература» (точнее было бы сказать «русская словесность») нуждается в уточнении. Огромный пласт её был насильственно отторгнут, причём это «заслуга» не только советского литературоведения, но и многих историков литературы старого времени. Между тем очевидно, что в России до революции существовал единый литературный процесс, который образовывали светская и духовная литература, находившиеся в тесном, хотя и сложном взаимодействии (вспомним, например, стихотворную переписку А. С. Пушкина и святителя Филарета, митрополита Московского). Подлинно народными писателями были не Пушкин и Гоголь, а святители Тихон Задонский и Димитрий Ростовский (жития святых которого читала вся грамотная Россия); высокие образцы художественного слова оставили нам святители Игнатий (Брянчанинов), Иннокентий (Борисов), Феофан Затворник, Амвросий (Ключарев) и многие другие.

Вообще в этой терминологии нет никакого порядка. Теоретики литературы должны тут сказать своё слово. Духовный писатель, церковный писатель, духовная проза, духовная поэзия – что это такое? В современном литературном энциклопедическом словаре приводятся статьи «Духовная русская поэзия» (автор А. Н. Стрижев) и «Духовная традиция в русской литературе» (автор И. А. Есаулов)¹, но они мало что проясняют в интересующем нас терминологическом плане. В русском языке понятие «духовный» имеет множество смыслов. Вот как оно определяется, например, в Толковом словаре В. И. Даля: «Всё относящееся

¹ Литературная энциклопедия терминов и понятий / Российская академия наук, Институт научной информации по общественным наукам; гл. редактор и сост. А. Н. Николюкин. М., 2001. С. 253–254; 254–256.

к Богу, Церкви, вере; всё относимое к душе человека, все умственные и нравственные силы его, ум и воля»¹.

Обратимся теперь к дню сегодняшнему. Возьмём книгу митрополита (на момент издания – архимандрита) Русской Православной Церкви Тихона (Шевкунова) «"Несвятые святые" и другие рассказы», выдержавшую множество изданий (её суммарный тираж составил более трёх миллионов экземпляров). В чём феномен этой книги? Её можно одновременно считать и светской и духовной, потому что эта книга о наших современниках и в то же время в ней преобладает церковный взгляд на жизнь. Эта книга и духовная, и художественная. Она восстанавливает утраченное единство, показывая, что на самом деле нет непреодолимой границы между духовным и светским писателем. Эту книгу с полным правом можно назвать энциклопедией церковной жизни нашего времени. Живая традиция русского православного духа встаёт перед нами.

Между художественностью и духовностью нет непримиримых противоречий. Например, святитель Игнатий (Брянчанинов), знаменитый писатель-аскет, был вполне художник и вполне монах. Вспомним его аскетические стихотворения в прозе «Сад во время зимы», «Кладбище», «Роса», «Житейское море», другие произведения. В его творчестве церковное и светское, духовное и художественное слились в нерасторжимом единстве. Известно, как внимательно святитель Игнатий работал над своими творениями, как тщательно их обрабатывал. Он сам говорил, что в этом отношении старался брать пример с Пушкина.

Вместе с тем святые отцы с большой осторожностью относились к художественному творчеству. В нём есть очень много соблазнительного. В состоянии вдохновения могут быть написаны очень лукавые, даже страшные вещи. Это прекрасно понимал Гоголь. В повести «Портрет» (редакции 1835 года) монах-художник, ушедший в монастырь, делится своим религиозным опытом с сыном, тоже художником:

Дивись, сын мой, ужасному могуществу беса. Он во всё силится проникнуть: в наши дела, в наши мысли и даже в самое вдохновение художника².

Здесь уместно вспомнить отзыв святителя Игнатия, в ту пору архимандрита, настоятеля Троице-Сергиевой пустыни, на книгу Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями»:

Виден человек, обратившийся к Богу с горячностью сердца. Но для Религии этого мало. Чтоб она была истинным светом для человека собственно и чтоб издавала из него неподдельный свет для ближних его, необходимо нужна в ней определительность, и определительность сия заключается в точном познании истины, в отделении её от всего ложного, от всего лишь кажущегося истинным <...> Но одной чистоты недостаточно для человека: ему нужно оживление, вдохновение. Так, – чтоб светил фонарь, недостаточно часто вымывать стекла, нужно, чтоб внутри его зажжена была свеча. Сие сделал Господь с учениками Своими. Очистив их истинною, Он оживил их Духом Святым, и они соделались светом для человеков. До приятия Духа Святаго они не были способны научить человечество, хотя уже

¹ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1903. Т. 1. С. 460.

² *Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. Т. 7 / Сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.; Киев, 2009. С. 317. В дальнейшем сочинения и переписка Гоголя цитируются по этому изданию с указанием римской цифрой тома, арабской – страницы в скобках после цитаты.

и были чисты. <...> Правда, есть у человека врождённое вдохновение, более или менее развитое, происходящее от движения чувств сердечных. Истина отвергает сие вдохновение как смешанное, умерщвляет его, чтоб Дух, пришедши, воскресил его обновлением состояния. Если же человек будет руководствоваться прежде очищения истиною своим вдохновением, то он будет издавать для себя и для других не чистый свет, но смешанный, обманчивый: потому что в сердце его лежит не простое добро, но добро, смешанное со злом, более или менее [Цит. по авторизованному списку: Т. IX: 757].

Применив данные основания к книге Гоголя, святитель Игнатий заключает:

<...> она издаёт из себя и свет и тьму. Религиозные его понятия не определены, движутся по направлению сердечного вдохновения; неясного, безотчётливого, душевного, а не духовного. <...> Книга Гоголя не может быть принята целиком и за чистые глаголы истины. Тут смешано. Желательно, чтоб этот человек, в котором видно самоотвержение, причалил к пристанищу истины, где начало всех духовных благ [Там же: 757–758].

Мнение святителя Игнатия о книге Гоголя, как видно, разделяли и оптинские старцы. В библиотеке Иоанно-Предтеченского скита хранился экземпляр «Выбранных мест из переписки с друзьями» с вложенным в него отзывом святителя Игнатия, переписанным рукой преподобного Макария [См.: Иосиф (Литовкин), 1897; см. также: Богданов, 1910: С. 332–334; Гоголь в воспоминаниях... 2013, III: 733–734]. Неизвестно, каким путём отзыв попал в Оптину; возможно, его привёз сам Гоголь, трижды посетивший святую обитель.

Отзыв святителя Игнатия был известен Гоголю. По выходе книги П. А. Плетнёв отправил два экземпляра друзьям писателя Балабиным. Мария Петровна Вагнер (рождённая Балабина), бывшая ученица Гоголя (которой он давал уроки в бытность свою в Петербурге), один из них передала для прочтения архимандриту Игнатию, и тот возвратил книгу со своим отзывом. В письме к Плетнёву из Неаполя от 9 мая (н. ст.) 1847 года Гоголь признал справедливость упреков, но утверждал, что для произнесения полного суда над книгой «нужно быть глубокому душеведцу, нужно почувствовать и услышать страданье той половины современного человечества, с которою даже не имеет и случаев сойтись монах; нужно знать не свою жизнь, но жизнь многих. Поэтому никак для меня не удивительно, что им видится в моей книге смешение света со тьмой. Свет для них та сторона, которая им знакома; тьма та сторона, которая им незнакома...» [XIV: 269].

Последнее замечание Гоголя о святителе Игнатии едва ли справедливо. Мир ему был хорошо известен – до монашества он служил военным инженером, вращался в высших кругах Петербурга и среди литераторов и, таким образом, имел возможность изучить человеческие страсти. С ранней юности стремившийся к подлинной духовной жизни и явивший в себе высокий образец такой жизни, святитель Игнатий в этом смысле был, разумеется, неизмеримо опытнее Гоголя. Весьма показательно, например, его отношение к популярной в России книге «О подражании Иисусу Христу» Фомы Кемпийского. Эта книга, которую многие современники Гоголя, и в частности Пушкин, ставили едва ли не в один ряд со Святым Евангелием и которой одно время увлекался сам Гоголь, оказала определённое влияние на «Выбранные места...». Насколько Гоголь в те годы высоко оценивал сочинение Фомы Кемпийского, настолько святитель Игнатий резко его порицал:

Книга эта написана из «мнения», <...> и ведёт читателей своих прямо к общению с Богом, без предпочтения покаянием: почему и возбуждает особенное сочувствие к себе в людях страстных, незнакомых с путём покаяния, не предохранённых от самообольщения и прелести, не наставленных правильному жительству учением святых отцов Православной Церкви¹.

«Кокетничанье пред Богом»² – такова, по словам святителя, самая верная оценка книги Фомы Кемпийского.

Следует иметь в виду, что говоря о «страданье той половины современного человечества, с которою даже не имеет и случаев сойтись монах», Гоголь подразумевал людей неверующих, тех, кто не ходит в церковь, которым он, собственно, и адресовал свою книгу. В тот же день, что и П. А. Плетнёву, Гоголь писал протоиерею Матфею Константиновскому:

Мне кажется, что если кто-нибудь только помыслит о том, чтобы сделаться лучшим, то он уже непременно потом встретится со Христом, увидевши ясно, как день, что без Христа нельзя сделаться лучшим, и, бросивши мою книгу, возьмёт в руки Евангелие [XIV: 267].

Можно сказать, что эта мысль Гоголя и есть тот итог, к которому он пришёл в результате своих размышлений о писательстве. Но этот итог не запрещал ему художественного творчества, а лишь подвигал к решительному его обновлению в свете евангельского слова.

В своей книге Гоголь сказал, чем должно быть, по его мнению, искусство. Назначение его – служить «незримой ступенью к христианству», ибо современный человек «не в силах встретиться прямо со Христом» («О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности») [VI: 59, 58]. По Гоголю, литература должна выполнять ту же задачу, что и сочинения духовных писателей, – просвещать душу, вести её к совершенству. В этом для него – единственное оправдание искусства. И чем выше становился его взгляд на искусство, тем требовательнее он относился к себе как к писателю.

В вопросах духовной жизни кто может сравниться со святыми отцами (а этой мерой и пользовался святитель Игнатий). К. Н. Леонтьев отдавал предпочтение преподобному Иоанну Синайскому, автору «Лествицы», одной из главных книг в монашеской аскетике³, перед Ф. М. Достоевским. «<...> Надо доходить скорее до того, чтобы Иоанн Лествичник больше нравился, чем Достоевский...», – писал он А. А. Александрову в июле 1887 года из Оптиной Пустыни⁴. Но это вовсе не означает, что Достоевский не нужен. Православие отвергает крайности в отношении культуры – и культурный нигилизм, и абсолютизацию культуры. Оно декларирует генетическую зависимость культуры от культа. В мировоззрении

¹ Полное собрание творений святителя Игнатия (Брянчанинова): [В 8 т.] Т. 1 / Сост. А. Н. Стрижева, О. И. Шафрановой; общ. ред. А. Н. Стрижева. М., 2001. С. 235, 236.

² Там же. С. 239.

³ Заметим, что «Лествица» была одной из любимых книг Гоголя с юности. Т. И. Филиппов писал К. Н. Леонтьеву из Санкт-Петербурга 22 февраля 1888 года: «С высоты "Лествицы", которая особенно его (Гоголя. – В.В.) восхищала и которую он переписал своею рукой, желая глубже запечатлеть в своей памяти её божественное содержание, все его произведения, в особенности комические, естественно должны были представиться в их относительном ничтожестве» (Пророки Византизма: Переписка К. Н. Леонтьева и Т. И. Филиппова (1875–1891) / Сост., вступ. статья, подгот. текстов и коммент. О. Л. Фетисенко. СПб., 2012. С. 492–493).

⁴ Леонтьев К. Н. Избранные письма. 1884–1891. СПб., 1993. С. 318.

православного человека культура не может быть высшей ценностью, поскольку земной мир не вечен. Но культура является необходимым этапом для душевного развития человека. В христианской трихотомии «тело – душа – дух» культура относится к сфере душевной.

Не следует преувеличивать степень расхождения Гоголя со святителем Игнатием. Забота о христианском просвещении России была у них общая. Совпадая в критике европейской цивилизации и одинаково признавая превосходство перед ней в религиозном отношении древнего патриархального быта, Гоголь и святитель Игнатий расходились лишь в представлениях о самом характере пастырского влияния на народную жизнь. Примечательно, что развёрнутая двенадцать лет спустя А. И. Герценом полемика со святителем по вопросу крепостного права и роли европейской цивилизации в судьбе России во многом повторяла спор В. Г. Белинского с Гоголем.

Своеобразным итогом заочного диалога двух выдающихся представителей русской культуры, классиков отечественной литературы могут служить слова, сказанные новомучеником протоиереем Иоанном Восторговым¹ на панихиде по Гоголю в 1903 году, в которых ясно видится смысл его духовного значения:

Вот писатель, у которого сознание ответственности пред высшею правдою за его литературное слово дошло до такой степени напряжённости, так глубоко охватило все его существо, что для многих казалось какою-то душевною болезнью, чем-то необычным, непонятным, ненормальным. Это был писатель и человек, который правду свою и правду жизни и миропонимания проверял только правдою Христовой. Да, отрадно воздать молитвенное поминовение пред Богом и славу пред людьми такому именно писателю в наш век господства растленного слова, – писателю, который выполнил завет апостола: *слово ваше да будет солию растворено* <Кол. 4, 6>. И много в его писаниях этой силы, предохраняющей мысль от разложения и гниения, делающей пищу духовную удобоприемлемой и легко усвояемой. <...> Такие творцы по своему значению в истории слова подобны святым отцам в Православии: они поддерживают благочестные и чистые литературные предания².

В этой связи возникает правомерный вопрос: какого писателя можно назвать духовным? Можно ли считать духовным писателем В. А. Жуковского, который перевёл на русский язык Новый Завет? Работа Жуковского над переводом Нового Завета в 1845 году протекала в период интенсивного духовного общения с Гоголем, который был едва ли не единственным, кого поэт посвятил в свой замысел [Долгушин, 2016: 478–479]. От Гоголя об этом переводе узнавали и другие. Так, П. А. Плетнёв извещал Я. К. Грота 22 сентября 1848 года из Санкт-Петербурга:

Сюда приехал Гоголь. <...> Он рассказал мне про новый подвиг Жуковского. Каждый день во время утренней молитвы он выбирал по одной главе из евангелистов или апостолов и перекладывал её на такой русский язык, в котором, при сохранении всей силы славянского и целых иногда выражений подлинника, период выходил бы ясным, звучным <...> [Гоголь в воспоминаниях... 2011, I: 699].

¹ Прославлен в лике святых Русской Православной Церковью в 2000 году. Память его совершается 23 августа / 5 сентября (день кончины) и 22 января / 4 февраля (Собор новомучеников и исповедников Церкви Русской).

² *Восторгов И. И., протоиерей. Честный служитель слова / Речь на панихиде по Н. В. Гоголю по случаю открытия ему памятника в гор. Тифлисе, сооружённого городским самоуправлением // Полное собрание сочинений: В 5 т. СПб., 1995 / Репринтное издание. Т. 2. С. 226–227.*

Гоголь высоко оценил переводческий труд Жуковского. В письме от 28 февраля 1850 года он советовал ему сделать с Библией (имеется в виду Ветхий Завет) то же, что с Евангелием, то есть всякий день переводить из неё по главе [XV: 307].

Можно ли считать духовным писателем А. С. Хомякова, автора катехизического трактата «Церковь одна» (печатавшегося также под названием «Опыт катехизического изложения учения о Церкви»)? Это первое и наиболее яркое богословское произведение Хомякова. В сжатой, отточенной и образной форме он обосновывает учение о единстве и единственности Церкви. Трактат произвёл в своё время большое впечатление на тех людей, кому Хомяков дал его прочесть под видом не своего, а как бы обнаруженного сочинения неизвестного православного автора прошлых времён [см. подробнее: Воропаев, 2007]. При жизни Хомякова «Церковь одна» была оценена немногими. В числе их Гоголь, скорее всего так и не узнавший, что она написана Хомяковым и оценивший её как святоотеческое творение. 8 августа (н. ст.) 1847 года он писал графу А. П. Толстому их Остенде:

Хомяков, между прочим, привёз с собой катехизис, отысканный им, на греческом языке в рукописи. Катехизис необыкновенно замечательный. Ещё нигде не была доселе так отчётливо и ясно определена Церковь, её границы, её пределы [XIV: 407].

К мнению Гоголя стоит отнестись с доверием: он был весьма начитан в церковной литературе. Ныне известен большой сборник его выписок из творений святых отцов и учителей Церкви. После смерти Гоголя в его бумагах была найдена тетрадь, в которую он собственноручно переписал трактат Хомякова; это свидетельствует, что он ценил его именно как православный катехизис. Данная рукопись подала повод к курьёзной ошибке: сочинение было принято за гоголевское. 13 ноября 1895 года известный издатель А. Ф. Маркс писал биографу Гоголя В. И. Шенроку (письмо хранится ныне в Российской государственной библиотеке):

Спешу препроводить на Ваше заключение вновь найденную оригинальную рукопись Гоголя под названием «Церковь одна», которую мне предложил приобрести Василий Яковлевич Головня, сын сестры Гоголя, Ольги Васильевны. По словам г. Головни, рукопись эта нигде не была напечатана и представляет большой интерес. Я не успел просмотреть её, так как г. Головня приехал специально в Петербург для продажи этой рукописи и требует ответа до четверга. За рукопись и право печатания он просит тысячу рублей. Рукопись и это письмо Вы получите завтра, во вторник. Будьте добры сейчас же рассмотреть её и возвратит в тот же день и никак не позднее среды. Прошу также при возвращении рукописи сообщить мне, насколько она представляет интерес, стоимость её по Вашему мнению и где можно бы поместить статью эту – в 6 или 7 томе¹.

В перечне рукописей Гоголя, хранящихся в Московском Румянцевском музее (ныне Российская государственная библиотека), помещённом В. И. Шенроком в седьмом томе 10-го издания Сочинений Гоголя (СПб., 1896), значится и «Церковь одна». Местонахождение её в настоящее время неизвестно.

В высокой оценке рукописи как святоотеческого творения Гоголь невольно сошёлся с мнением своих современников – И. С. Аксакова и Ю. Ф. Самарина,

¹ НИОР РГБ. Ф. 419. Картон 1. Ед. хр. 25. Л. 1.

знавших настоящего автора катехизиса и ставивших его, может быть, несколько преувеличенно, наравне с учителями Церкви.

Таким образом, и В. А. Жуковский как переводчик Нового Завета на русский язык, и А. С. Хомяков, автор богословского трактата «Церковь одна», с полным правом могут быть названы духовными писателями. Во всяком случае таковыми они были в глазах своих современников.

Применительно к творческому наследию Гоголя можно хотя бы в общих чертах сформулировать некоторые особенности, характерные черты так называемого *духовного* писателя. Духовная, церковная литература по форме имеет ряд отличий от литературы светской, хотя между этими видами словесности имеются некоторые общие приёмы, в том числе и художественные. Но духовное творчество имеет строго определённую цель, направленную к объяснению смысла жизни по христианскому вероучению. Такое творчество основывается на Священном Писании и имеет определённые признаки. Писатель, взявшийся решать вопросы сокровенной жизни «внутреннего человека», сам должен быть православным христианином; он должен иметь благословение на свои труды от архиерея или священника. Он обязан также основательно знать предшествующую традицию церковной литературы, а она корнями уходит в Святое Евангелие – источник духовного слова, резко отличающийся по своей направленности от основы, породившей художественную литературу во всем разнообразии её проявлений. Наконец, для церковного писателя необходима живая вера в Промысл Божий, в то, что во Вселенной всё совершается по непостижимому замыслу её Создателя.

В своём зрелом творчестве Гоголь приблизился именно к такому пониманию целей литературы. Суть творческого развития его как писателя заключается в том, что от чисто художественных произведений, где литургическая, церковная тема была как бы в подтексте, он переходит к ней непосредственно в «Размышлениях о Божественной Литургии», сочинениях, подобных «Правилу жития в мире» (собственно *духовная* проза), и в публицистике «Выбранных мест из переписки с друзьями». К новым жанрам позднего творчества Гоголя можно отнести и составленные им молитвы, а также систематизированные выписки из творений святых отцов и учителей Церкви – труды, характерные скорее для такого писателя-аскета, каким был, например, святитель Игнатий (Брянчанинов), чем для светского литератора. Молитвы Гоголя, написанные во второй половине 1840-х годов, свидетельствуют о его богатом молитвенном опыте и глубокой воцерковленности его сознания.

Гоголь не только прекрасно знал творения древних святых отцов, но внимательно следил за духовными сочинениями своих современников. Замысел его главного духовно-просветительского труда – «Размышления о Божественной Литургии» – относится ко времени пребывания в Ницце зимой 1843/44 года и связан, в частности, с прочитанной им тогда в журнале «Христианское Чтение» (1841. Ч. 1) статьёй «О Литургии» известного церковного писателя А. Н. Муравьёва, напечатанной без имени автора (впоследствии она вошла в его книгу «Письма о Богослужении Восточной Кафолической Церкви»). Статья Муравьёва была избрана Гоголем как образец стиля для создания духовного произведения, предназначенного широкому читателю, и как краткое пособие для последовательного изложения хода Литургии [см. подробнее: VI: 491–493; Хондзинский, 2017: 74–80].

Следует, однако, иметь в виду, что многочисленные сочинения по литургии (как древние, так и современные) служили Гоголю в качестве пособий. Его объяснение Литургии, в котором органично сочетаются богословская и художественная (в основном – стилистическая) стороны, представляет собой совершенно оригинальное произведение и один из лучших образцов русской духовной прозы. Приведём в этой связи наблюдения современного богослова: «Очевидно, что гоголевские "Размышления..." не являются простой компиляцией существующих толкований, а содержат оригинальные богословские идеи автора»; «Хомяковские представления о Церкви оказали влияние на Гоголя, но в своём переживании Литургии как центра церковно-общественной жизни Гоголь в своём роде уникален и может быть назван предтечей того "евхаристического возрождения", которое приходит в русскую традицию в конце XIX – начале XX в.» [Хондзинский, 2016: 237, 238].

Святоотеческое наследие, непосредственное общение с носителями святоотеческой традиции во многом определили характер религиозного мирозерцания Гоголя, особенности его творчества. Он был лично знаком с выдающимися церковными иерархами его времени – святителями Филаретом (Дроздовым), митрополитом Московским; Иннокентием (Борисовым), архиепископом Харьковским, а также представителями традиционной монашеской аскетики – оптинскими старцами, преподобным Антонием (Медведевым), наместником Свято-Троицкой Сергиевой лавры; преподобным Макарием (Глухаревым), миссионером Алтайским, и другими подвижниками христианского благочестия.

В заключение приведём (по необходимости кратко) сведения о духовных писателях, с которыми Гоголь находился в личном общении и творческом диалоге.

Бухарев Александр Матвеевич (в монашестве архимандрит Феодор, 1822–1871), богослов, экзегист, публицист, литературный критик, автор книги «Три письма к Н. В. Гоголю, писанные в 1848 году» (СПб., 1861).

Судьба Бухарева в некотором смысле противоположна судьбе Гоголя. Оба стремились внести христианские начала во все сферы человеческой жизни – личную, семейную, общественную. Но направление их в следовании по этому пути было противоположным. Отец Феодор покинул монастырь (хотя был, по его словам, «монахом не фальшивым, а по совести»), оправдывая свой поступок тем, что собирался проповедовать христианство в миру. Гоголь, напротив, тянулся к монашеству из мира, который не мог вполне его удовлетворить.

Вершинский Димитрий Степанович (1798–1858), протоиерей, настоятель русской посольской церкви в Париже, историк философии, богослов. Публиковал свои переводы и оригинальные статьи о подвижниках Восточной Церкви в журнале «Христианское Чтение», издававшемся при Санкт-Петербургской Духовной академии. В частности, им переведены «Увещательные главы» диакона Агапита св. правоверному царю Юстиниану; первые двенадцать глав этого сочинения Гоголь в начале 1840-х годов перевёл на итальянский язык [см.: Т. IX: 7–14]. Его богослужебными книгами пользовался Гоголь при составлении выписок из служебных Миней в 1845 году [См.: Виноградов, 2017].

Сабинин Стефан Карпович (1789–1863), протоиерей, богослов, историк, археолог, филолог, настоятель русской православной домово́й церкви Св. равноапостольной Марии Магдалины в Веймаре [См. о нём: Воропаев,

2016]. Перевёл Библию на русский язык со своими комментариями, составил первый в России Библейский лексикон (как и многие другие сочинения и переводы Сабинина, этот труд остался в рукописи и, очевидно, утрачен), написал Исландскую грамматику и несколько работ по сагам, печатал статьи по русской филологии и русским древностям в отечественных журналах (преимущественно в «Христианском Чтении») и исторических сборниках, издаваемых профессором Московского университета М. П. Погодиным.

Летом 1845 года Гоголь вместе с графом А. П. Толстым говел в Веймаре и встречался с отцом Стефаном, говорил с ним о своём намерении оставить литературное поприще и поступить в монастырь. Священник отговаривал его и убедил не принимать окончательного решения. Об этом рассказывает в своих записках М. С. Сабинина [См.: Гоголь в воспоминаниях... 2013, III: 574]. В гоголевском сборнике выписок из творений святых отцов и учителей Церкви, составленном зимой 1843/44 года в Ницце, есть выписка «О почитании святых (Из частного письма протоиерея Сабинина)» [См.: Т. IX: 130–131].

Сергий (Веснин Семён Авдиевич; литературный псевдоним Святогорец; 1814–1853), иеросхимонах Афонского Пантелеимонова монастыря, автор «Писем Святогорца к друзьям своим о Святой Горе Афонской» (Ч. 1–2. СПб., 1850). [См. о нём: Воропаев, 2017]

Серединский Тарасий Феодорович (1822–1897), протоиерей, богослов, настоятель церкви Рождества Христова при русской миссии в Неаполе. В течение своего сорокалетнего служения за границей (сначала в средоточии римо-католического, а затем протестантского мира) протоиерей Тарасий Серединский, знавший еврейский, греческий (древний и новый), латинский, немецкий, французский и итальянский языки, имел возможность следить за богословской литературой, издаваемой на Западе. Он знакомил русского читателя с обычаями и характером западного богослужения. Церковно-исторические и литургические сочинения отца Димитрия печатались главным образом в журнале «Христианское Чтение». Ему принадлежит статья о книге Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», сохранившаяся в бумагах писателя (один из немногих откликов духовных лиц) [См.: Т. 9: 758–764].

Литература

Богданов Д. П. Оптина Пустынь и паломничество в неё русских писателей // Исторический Вестник. 1910. № 10. С. 327–339.

Виноградов И. А. Сборник Н. В. Гоголя «Каноны и песни церковные» (обстоятельства и время составления) // Актуальные вопросы светской и духовной словесности. Вып. 1 / Российская академия наук. Институт мировой литературы им. А. М. Горького; редкол.: М. И. Щербакова (отв. ред.), О. А. Крашенинникова, Е. А. Осипова, Е. А. Самофалова. М., 2017 С. 117–130.

Воропаев В. А. Благословение Святой Горы: Русский Афон в судьбе Гоголя // Язык, литература, культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания: сб. научных и научно-методических статей. Вып. 13. М., 2017. С. 127–134.

Воропаев В. А. Русский Веймар // Язык, литература, культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания: сб. научных и научно-методических статей / Редкол. Л. П. Клобукова и др. Вып. 12. М., 2016. С. 117–124.

Воропаев В. А. Церковь одна: А. С. Хомяков и Н. В. Гоголь // А. С. Хомяков – мыслитель, поэт, публицист: сб. статей по материалам Международной научной конференции: В 2 т. Т. 1. М., 2007. С. 451–456.

Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: В 3 т. / Издание подгот. И. А. Виноградов. М., 2011–2013.

Долгушин Д. В., <протоиерей>. Новый Завет в переводе В. А. Жуковского // *Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 11 (второй полутом): Господа нашего Иисуса Христа Новый Завет в переводе В. А. Жуковского. М., 2016. С. 467–517.

Дунаев М. М. Православие и русская литература: В 6 ч. Изд. 2-е, испр., доп. М., 2001–2004.

Дунаев М. М. Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII–XX веках. М., 2002.

Дунаев М. М. Православие и русская литература: Учебное пособие для духовных семинарий / Под общ. ред. В. Л. Шленова; Учебный комитет Русской Православной Церкви. Сергиев Посад, 2009.

Иосиф (Литовкин), иеросхимонах. Н. В. Гоголь, И. В. Киреевский, Ф. М. Достоевский и К.<Н.> Леонтьев пред старцами Оптиной Пустыни. М., 1897 / Отд. оттиск из журнала «Душеполезное Чтение». 1898. Ч. 1. С. 157–162.

Хондзинский П., протоиерей. «Церковь не есть академия»: Русское внеакадемическое богословие XIX века. М., 2016.